

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 340.12

А.В. КРАСНОВ,
кандидат юридических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПООЩРИТЕЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена отдельным аспектам правовой политики российского государства на современном этапе. Автор касается вопросов понятия и содержания правовых поощрений и их использования главным образом в рамках правотворческой правовой политики. Особое внимание уделяется закреплению правовых поощрений в структуре правовой нормы. Обосновывается необходимость включения правовых поощрений в содержание санкций норм права. Дается характеристика проблематике соотношения правовых поощрений и мер государственного принуждения.

Проблематика, связанная с правовой политикой, на данный момент имеет высокую степень актуальности. Проведение правовой, судебной реформ в России требует взвешенного, комплексного подхода к стратегии и тактике развития законодательства. Необходимо четко представлять как общее направление развития механизма правового регулирования, так и пути совершенствования отдельных его элементов.

Можно встретить достаточно много определений понятия "правовая политика". В наиболее широком смысле правовая политика трактуется как "комплекс идей, мер, задач, программ, методов, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права" [1]. Данное определение подвергалось критике на том основании, что в него включаются не только идеи, программы, установки и иные аналогичные элементы, формирующие стратегию государства в правовой сфере, но и методы осуществления правовой политики, то есть элементы, относящиеся к компонентам механизма реализации правовой политики. С точки зрения профессо-

ра Марченко, необходимо различать правовую политику как явление, с одной стороны, а с другой – как систему мер, методов, установок, с помощью которых реализуется правовая политика. Первое он называет правовой политикой в статике, второе – в динамике [2].

Впоследствии приведенное выше определение правовой политики было серьезно уточнено. Правовая политика стала рассматриваться как научно обоснованная, последовательная и системная деятельность соответствующих структур (прежде всего государственных и муниципальных органов) по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности, высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности. Активная правовая политика призвана: во-первых, осуществлять конъюнктурную

модернизацию правовой системы путем решения ее самых острых текущих проблем (тактика) и, во-вторых, определять долговременные ориентиры правового развития страны, ее правового прогресса (стратегия) [3, с. 9-10].

По мнению автора, нет особого противоречия между тем, чтобы вычленять в рамках содержания правовой политики динамическую и статическую, тактическую и стратегическую составляющие. Здесь речь идет о разных аспектах, ракурсах рассмотрения проблемы. Вряд ли целесообразно, например, отождествлять динамику и тактику, статику и стратегию. Дело в том, что тактика может предполагать наличие определенных идей, установок, которые выглядят статично; с другой стороны, стратегия предполагает динамичное развитие явления по ряду параметров. Поэтому в нормативно-функциональном плане можно говорить о статике и динамике правовой политики, а в инструментально-целевом – о стратегии и тактике.

Что касается вопроса о включении в содержание правовой политики непосредственно методов, путей ее реализации, то, по мнению автора, термин "политика" достаточно многогранен, и может подразумевать как идею, так и ее воплощение, то есть и идеальный компонент, и процедурно-реализационный, и материально-воплощенный в виде конкретного результата. Сказанное, конечно, не исключает использование термина "формы реализации" или "реализация" правовой политики применительно к процессам воплощения в жизнь основных ее положений.

От того, какой будет правовая политика российского государства, зависит содержание нормативных правовых актов различного уровня. Задача правовой науки – способствовать совершенствованию правовой политики, давать рекомендации по закреплению и использованию на уровне нормативного и индивидуального правового регулирования таких средств, способов, приемов, форм регулирования, которые позволяют лучше организовать общественные отношения, добиться эффективности, прежде всего в форме удовлетворения и защиты прав и свобод субъектов права при не самых больших

материальных и организационных издержках. При этом ученые всегда приглашают практиков к диалогу, чтобы совместными усилиями прийти к компромиссу по поводу как стратегии, так и тактики правовых реформ в российском обществе.

Исходя из того, что в качестве цели правовой политики необходимо рассматривать повышение уровня и качества правовой жизни российского общества и его структурных подразделений, обеспечение гарантированного осуществления прав человека и гражданина, интересов личности [3, с. 21], можно с уверенностью говорить о том, что достижение этих целей невозможно без совершенствования механизма правового регулирования, юридических средств, которые позволяют удовлетворять интересы субъектов права. Автор затронет в данной работе прежде всего некоторые концептуальные моменты, связанные с правовым поощрением, с точки зрения закрепления его в рамках логической структуры нормы права и соотношения с мерами государственного принуждения.

В эпоху развития советского права, когда доминирующей идеологией являлось марксистское учение, в науке теории государства и права и в некоторых отраслевых правовых науках проводились исследования, связанные с правовым поощрением (В.М. Баранов, А.М. Витченко, В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, В.Н. Скобелкин и др.). При этом затрагивались совершенно различные аспекты указанной проблематики – вопросы поощрения как метода правового регулирования, поощрительных норм, поощрительных санкций, поощрительных правоотношений, эффективности поощрений. Научные исследования в интересующей нас области продолжают и в настоящее время [4 – 11].

Собственно поощрения необходимо рассматривать как разновидность правовых стимулов, направленных на закрепление формы и меры юридического одобрения добровольного заслуженного поведения, в результате чего субъект вознаграждается, для него наступают благоприятные последствия [4, с. 164].

Действительно, следует исходить из того, что поощрение всегда связано с определенными

ми благоприятными последствиями. Оно может выражаться, в первую очередь, в представлении новых благ, причем не обязательно только материальных. Поощрение может также носить организационный характер (заключение долговременных договоров, соглашений, применение упрощенного порядка при разрешении юридического вопроса при наличии положительных данных о контрагенте и пр.). Особое место занимают меры морального поощрения, которые закрепляются в нормах права. Поощрение может также выражаться и в освобождении от тех или иных обязанностей, либо в применении упрощенного, облегченного порядка их исполнения.

Сущностной характеристикой правовых поощрений является их применение за специально установленное заслуженное поведение. Сказанное означает, что поощрение должно быть предпослано адресату нормы, который заранее будет строить свое поведение со знанием того, что ему впоследствии полагается поощрение. Такого рода модель закрепления поощрений приводит нас вплотную к рассмотрению такого аспекта, как вопрос о поощрительных санкциях.

Действительно, с одной стороны, поощрение является одним из методов правового регулирования, хотя зачастую ему отводят место лишь среди дополнительных методов. С другой стороны, поощрения должны находить свое место в логической схеме правовой нормы. По этому поводу можно встретить целый ряд возражений против выделения поощрительных санкций в рамках структуры правовой нормы.

По существу, главным тезисом против поощрительных санкций является утверждение о том, что правовая норма носит принудительный характер, поэтому ее санкция может быть связана исключительно с мерами государственного принуждения, неблагоприятными правовыми последствиями [12; 13; 14]. Такой подход по существу базируется на гипертрофии роли принуждения в праве.

Термин "принуждение" многозначен и употребляется в разных гуманитарных науках. Так,

традиционно в философии принуждение понимается как акт, который способен ограничить внешнюю свободу человека. Философия права развивает этот тезис: например, процесс принуждения определяется как снятие самостоятельности индивидуальной воли [15].

"Психологический подход" к принуждению предполагает воздействие на сознание и поведение принуждаемого лица вопреки его воле [16]. В свою очередь, в социологии принуждение понимается как метод социального воздействия. "Принуждать – значит различными насильственными способами и средствами заставлять принуждаемого поступать в соответствии с установленными социальными нормами, в соответствии с волей и желанием принуждающего субъекта" [17].

С точки зрения юридической науки, принуждение выступает как признак права в целом: в нормативном понимании право поддерживается принудительной силой государства. Однако государственное принуждение достаточно часто понимается слишком широко. Так, можно встретить утверждения о том, что "право принуждения... есть физическое, организационное или иное воздействие уполномоченных на то компетентных органов и лиц на сознание и волю субъектов права путем применения к ним в установленном действующим законодательством процедурно-процессуальном порядке принудительных мер, предусмотренных нормами права, в определенных общественно-полезных целях" [18]. Соответственно государственное принуждение при такой трактовке включает в себя физическое, психологическое и идеологическое воздействие [18].

Как кажется автору, государственное принуждение скорее выступает не как общий метод, а как средство правового регулирования. Действительно, в рамках таких мегаметодов регулирования, как императивный и диспозитивный, возможно подключение государственного принуждения. Если норма носит диспозитивный характер, субъекты не установили исключений из ее предписаний, то эта норма должна принудительно исполняться. И наоборот, если норма императивна, она может испол-

няться совершенно добровольно, без подключения государственно-принудительных мер.

Важно также обратить внимание на то обстоятельство, что основанием применения государственного принуждения являются меры принуждения, закрепленные в диспозициях и санкциях норм права. Только при этом совершенно очевидно, что такие меры являются лишь указанием на правовые ограничения, которые могут непосредственно выражать принудительную меру (лишение свободы, принудительное лечение), либо являться неблагоприятной мерой, чье применение не всегда влечет принуждение (возмещение убытков, выплата штрафа). Причем сказанное характерно как для материально-правовых, так и процессуальных норм.

По мнению автора, нужно исходить из того, что принуждение – это прежде всего средство реализации права. Оно "стоит за" правовыми нормами, потенциально всегда готово к тому, чтобы быть использованным при наличии аномалий в поведении. При ином подходе можно прийти к выводу, что принудительным является содержание всех элементов правовой нормы, в том числе и гипотезы, где закрепляется указание на юридические факты – условия реализации диспозиции. А как же быть при этом с рекомендательными нормами? Да и диспозитивная норма имеет принудительный смысл, если стороны договора, соглашения не установили иные правила, исключая содержание нормы либо его изменяющие. Так что вряд ли целесообразно во всей правовой материи видеть исключительно принуждение. Реальность, экономическая необходимость требуют более гибких подходов к средствам правового регулирования.

Достаточно часто указание на государственное принуждение, или правовое принуждение, встречается при анализе содержания правовых санкций. Так, правовые санкции рассматриваются как меры воздействия на правонарушителя; при этом в качестве мер воздействия выступают только принудительные меры [13; 19]. Либо указывается, что санкция – не просто принудительные меры, а указания на меры принуждения [14]. В то же время, в литературе широко

распространен взгляд на правовую санкцию как на неблагоприятные правовые последствия. Последние применяются компетентными органами [20]. Существует также попытка уравнивать меры принуждения и неблагоприятные правовые последствия [21].

На взгляд автора, трактовки санкций как мер принуждения и неблагоприятных правовых последствий противоправного поведения нельзя считать идентичными хотя бы потому, что вторая из них предполагает возможность применения санкций добровольно, без применения государственного принуждения; тогда как первая эту возможность исключает. Меры, заложенные в санкции нормы права, вряд ли можно свести к принуждению. Принуждение, причем государственное, правовое фигурирует, прежде всего, на стадии реализации норм. Санкции сами по себе не могут принуждать кого-либо к чему-либо. Лишь в процессе реализации возникает вопрос об их принудительном применении. Если же применяются праввосстановительные санкции, то далеко не всегда возникает необходимость в принуждении. Часто индивид, допустивший отклонение от требований нормы, добровольно восстанавливает нарушенное право или состояние. Подход же к санкциям как к принудительным мерам, по сути, ведет к смешению санкции и процесса ее реализации. В связи с этим автор согласен с тезисом о возможности возложения ответственности правонарушителем на самого себя, без подключения принудительных мер [22].

Нельзя обойти вниманием и утверждение, что реализация санкций – физическое принуждение, а угроза реализации – принуждение психологическое [21, с. 44, 54]. Собственно, выше указывалось на то обстоятельство, что в содержание государственного принуждения включаются порой меры не только физического, но и так называемого психического и идеологического принуждения. Реализация санкции не всегда предполагает непосредственно физическое принуждение.

Представляется недостаточно оправданным признание психической угрозы, заложенной в санкции, принуждением, так как это влечет

отождествление обязательного с принудительным [23]. Справедливо подмечено, что принуждение – фактическое состояние, которое исключает для принуждаемого выбор поведения и, следовательно, выбор между исполнением и неисполнением обязанности [24]. Так называемое психическое и (или) идеологическое принуждение есть возложение на лицо той ли иной обязанности. При этом выбор всегда остается – исполнять или не исполнять. Во втором случае предусматриваются меры, которые позволяют физически принудить субъекта, совершить действия за него. Так что решение суда необходимо считать обязательным, исполнимым и авторитетным, но оно не всегда будет принудительным. В уголовном процессе такой признак в принципе характерен для приговора. Что касается процесса гражданского, арбитражного, то там принуждение применяется в особом порядке, предусмотренном законодательством.

Таким образом, сам термин "государственное принуждение" трактуется куда шире, чем принуждение в общеправовом плане. Трудно однозначно сказать, насколько это оправданно. Действительно, под принуждение порой подпадают меры, которые предполагают выбор вариантов поведения. Ведь даже при возбуждении гражданского дела в суде истец совсем не обязан являться в суд. Принуждение может возникнуть лишь на стадии исполнительного производства, да и то в начале дается время на добровольное исполнение, и лишь потом пристав-исполнитель начинает совершать определенные действия. Однако и здесь в арсенале пристава не так много средств, при помощи которых можно напрямую принудить лицо: к примеру, даже со введением нового федерального закона от 02.10.07 г. № 229-ФЗ "Об исполнительном производстве" [25] остаются проблемы с проникновением в жилище с целью описать имущество.

Или можно поставить вопрос: такой способ защиты гражданских прав, как неприменение судом акта государственного органа, противоречащего закону [26], – включает по содержанию принудительные меры или нет?

Возвращаясь к поощрительным санкциям, отметим, что этимологически термин "санкция"

многозначен, предполагает несколько значений; разноплановыми выступают и примеры из различных социальных норм, где вполне возможны и встречаются не только отрицательные, но и положительные последствия на случай совершения особого заслуженного поведения (достаточно много примеров одобрения и поощрения в моральных, религиозных нормах). Если подходить к проблеме с юридико-технической стороны, то норма, содержащая поощрительную санкцию, в общем виде похожа на нормы с негативными санкциями: возможна гипотеза с условиями совершения правомерного заслуженного поведения, диспозиция с указанием на это поведение, а также санкция с указанием на меры поощрения. По мнению профессора А.В. Малько, гипотеза в такой норме может быть слита с диспозицией [27]. Однако сути дела это не меняет.

Другое основное возражение (оно логически связано с первым) базируется на представлении о существовании особых поощрительных норм, в которых то, что называется поощрительной санкцией, якобы предстает как диспозиция [28]. По этому поводу можно сказать, что примеры из законодательства говорят как раз таки об обратном. Во многих нормативных актах указание на меры неблагоприятного характера сочетаются с указанием на меры поощрения. Такое можно найти, в частности, в главе 30 Трудового кодекса РФ [29], главе 15 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [30] и проч. Приведенная же выше точка зрения означает некое "нагромождение" поощрительных и негативно-правовых мер в одной норме. Получается, что одновременно устанавливается поощрение (в диспозиции), а за неприменение этого поощрения закрепляется мера воздействия неблагоприятной направленности (в санкции). Собственно, на самом деле можно встретиться с тем, что за неприменение поощрения не установлена ответственность. Это характерно прежде всего для частного права, хотя встречается и в публично-правовой области. Можно ли привлечь, к примеру, к юридической ответственности, если лицо не представлено к награждению, хотя и совершило действия, которые заслужи-

вают награды? Трудно себе такое представить. Если же ответственность все же установлена, то нет оснований рассматривать это как продолжение "поощрительной" нормы. Следуя такой же логике, может получиться, что нормы уголовного права не являются самостоятельными нормами, поскольку они защищают права и интересы, закрепленные, в свою очередь, в нормах иных отраслей права. То же можно сказать и о нормах, устанавливающих административную ответственность. Юридико-технически такое невозможно, да и нецелесообразно. Собственно здесь мы затронули тему роли санкций в структуре правовой нормы. Не вдаваясь подробно в существо вопроса, ибо в данной работе ставятся иные цели, автор отмечает, что с его точки зрения, санкция выступает обязательным структурным элементом правовой нормы, однако это не означает, что каждая норма имеет свою собственную санкцию. Последняя технически может быть установлена как общая для целой совокупности норм. Такого рода примерами изобилует гражданское право, где такие санкции, как возмещение убытков, неустойка, проценты за неправомерное использование денежных средств вынесены "за скобки".

Кроме того, не стоит смешивать существо разных правоотношений. Дело в том, что санкция той или иной нормы также содержит определенные правила поведения. Более того, в рамках правоприменительных форм реализации санкций существуют целые комплексы норм процедурного, процессуального характера, которые "обслуживают" материально-правовые нормы. Не включаем же мы при этом содержание процессуальных норм в нормы материальные. Норма об убытках за нарушение договора – это одно, а вот нормы о порядке вынесения судебного решения, его пересмотре – это иное. Собственно, и нормы с поощрительными санкциями "обслуживаются" материальными нормами об ответственности лиц, не исполняющих свои обязанности или исполняющих их ненадлежащим образом, а также рядом процессуальных норм о порядке их привлечения к ответственности (дисциплинарной, административной).

Нельзя также не затронуть тему, связанную с так называемой позитивной юридической ответственностью, как тесно связанную с проблематикой правовых поощрений и поощрительных санкций.

Идея выделения позитивной ответственности формируется в 60-е годы XX века, как воспитующей ответственности, в противовес ответственности негативной, карающей. В двух случаях речь идет о двух видах обязанностей, при этом в одном случае обязанность возникает на основе правонарушения, а в другом речь идет об обязанности действовать в соответствии с природой закона. Позитивная юридическая ответственность существует прежде всего как особое состояние индивида, выражающееся в глубоком понимании интересов общества и государства, в принятии действующих правовых установок, в активном и добросовестном выполнении своих обязанностей, гражданского долга [31]. Впоследствии данная точка зрения в той или иной интерпретации был поддержана различными учеными, такими, как В.Н. Кудрявцев, Н.И. Матузов, Б.Л. Назаров, П.Е. Недбайло, Т.Н. Радько, М.С. Строгович, Б.Т. Базылев, В.А. Тархов, Ф.Н. Фаткуллин и пр.

Не вдаваясь в подробный анализ трактовок позитивной юридической ответственности, обратим внимание, что существует трактовка позитивной ответственности как поощрительной ответственности [32]. Собственно, такой подход в наибольшей степени характерен для уголовного права: такая ответственность может быть прямо предусмотрена уголовно-правовой нормой, предоставляющей гражданам право на совершение строго определенных действий, направленных на обеспечение задач по охране общественных отношений от преступных посягательств на них. Речь идет о реализации прав граждан на необходимую оборону, крайнюю необходимость, задержание преступника, а также о поощрении позитивного посткриминального поведения. Как кажется автору, здесь смешиваются такие понятия, как освобождение от ответственности, признание непротивоправными тех обстоятельств, которые по внешним признакам подпадают под признаки правона-

рушения, а также поощрение. Здесь, как и в рамках всей концепции позитивной ответственности, применение поощрительных мер рассматривается как ответственность.

Необходимо, однако, обратить внимание на то обстоятельство, что сторонники позитивной юридической ответственности подчеркивают обеспечительную роль правовых поощрений. Последние ставятся на один уровень с санкциями неблагоприятно-правового характера. Обращается внимание на необходимость достижения позитивного результата [33]. Только в итоге получается, что исполнение обычных обязанностей, соблюдение запретов (позитивная юридическая ответственность) ставится в один ряд со стимулированием и использованием субъективного права на совершение заслуженного поведения.

По существу мы затронули лишь такое направление правовой политики, как правотворческая деятельность. Однако необходимо учитывать, что усилий только со стороны законодателей явно недостаточно, чтобы изменить ситуацию в механизме правового регулирования. Правотворческие органы должны обозначить лишь общий курс, направление регулирования отношений, тогда как огромные задачи стоят перед правоприменителями, субъектами правоинтерпретационной деятельности, да и вообще перед всеми участниками правовых отношений. Поэтому в процессе "продвижения" в механизм правового регулирования правовых поощрений и иных правовых стимулов должны участвовать и такие виды правовой политики, как правоприменительная, интерпретационная, доктринальная, правообучающая. Причем в первую очередь это касается области частно-правовых отношений, где нельзя использовать в большом объеме императивные нормы. Вряд ли целесообразно диктовать участникам частных правоотношений обязательные формы правового стимулирования. Поэтому развитие стимулирования во многом зависит здесь от правовой культуры лиц, вступающих в правоотношения, от правоприменителей, которые будут в той или иной форме интерпретировать практику закрепления стимулирующих норм в

договорах и соглашениях. Сказанное, однако, не означает, что законодатель должен устраниться от этого процесса. В нормах права можно закреплять рекомендуемые модели поведения, чтобы ориентировать специалистов в сфере юриспруденции на их использование.

Список литературы

1. Теория государства и права: курс лекций; под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд. – М.: Юрист, 2000. – С. 647.
2. Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во "Проспект", 2005. – С. 245-246.
3. Малько А.В. Льготная и поощрительная правовая политика. – СПб.: Изд-во "Юридический центр Пресс", 2004. – С. 9-10.
4. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2003. – 250 с.
5. Морозова И.С. Льготы в российском праве: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999. – 28 с.
6. Нырклов В.В. Поощрение и наказание как парные юридические категории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2003. – 34 с.
7. Кисилева О.М. Поощрение как метод правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000. – 38 с.
8. Гущина Н.А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2004. – 38 с.
9. Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве: вопросы теории, нормотворчества и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2002. – 55 с.
10. Петров А.А. Общая характеристика правового стимулирования по трудовому праву // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. Часть 1. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1998. – С. 233-236.
11. Мирошник С.В. Правовые стимулы в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д, 1997. – 26 с.
12. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х т. Т. 1. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 268.
13. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1991. – С. 23-38.
14. Пиголкин А.С. Нормы советского права и их толкование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. – С. 6.
15. Пучнин А.С. Принуждение и право: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – С. 79.
16. Кожевников С.Н. Государственное принуждение: особенности и содержание // Советское государство и право. – 1978. – № 5. – С. 49.

17. Каплунов А.И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 10.
18. А.А. Иванов, В.П. Иванов. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: учеб. пособие для студентов вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. – С. 125.
19. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х т. – М.: Юридическая литература, 1981. – Т. 1. – С. 268; т. 2. – С. 57.
20. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. – М.: Юридическая литература, 1985. – С. 148.
21. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. – М.: Юридическая литература, 1976. – С. 77.
22. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1973. – С. 21.
23. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – С. 12, 73.
24. Ребане И.А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по правоведению. Вып. 182. – Тарту, 1966. – С. 122.
25. Российская газета. – 2007. – 6 октября.
26. Медведев С. Некоторые аспекты проблемы способов защиты права // Хозяйство и право. – 2004. – № 6. – С. 61.
27. Малько А.В. Льготная и поощрительная правовая политика. – СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2004. – С. 211.
28. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – 2-е изд., доп. – М.: ООО ИД "Право и государство", 2005. – С. 201.
29. Трудовой кодекс РФ. Федеральный закон от 30.12.01. № 197-ФЗ (ред. ФЗ от 01.12.07. № 309-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч.1). – Ст. 3; 2007. – № 49. – Ст. 6070.
30. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.97 г. № 1-ФЗ (ред. 01.12.07 г. № 299-ФЗ) // СЗ РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198; 2007. – № 49. – Ст. 6060.
31. Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. – Л., 1965. – С. 21, 78.
32. Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права РФ и их реализация. – Саратов, 1993. – С. 152.
33. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Изд-во "Юридический центр Пресс", 2004. – С. 64.

В редакцию материал поступил 22.02.08.